

Правда, все моменты идеологической природы, встречающиеся в повести (кстати, их в версии 1938 года было не так много, особенно если сравнить с редакцией 1955 года), Шеншин нивелировал, поэтому советский пионер Волька стал русским гимназистом, а комикс Шеншина так и назывался — «Волшебник Хоттабыч: приключения одного гимназиста». Шеншин переносит время действия в период до революции, что весь комикс, озорной и авантюрный, окрашивает в дополнительный оттенок мягкой ностальгии. Волька — типичный русский гимназист третьего класса, фантазер и мечтатель, который даже переезд на новую квартиру (а именно с этой сцены начинается комикс) воспринимает как приключение, отличается от советского пионера, также фантазера и мечтателя, но несколько ленивого и капризного (воспитательная роль книги лежит именно в исправлении этих качеств) тем, что он просто маленький любитель приключений, который мечтает то о сокровищах Черного пирата, то о жизни в американских прериях. Но связь между Волькой — гимназистом и Волькой-пионером сохраняется, причем даже визуальная — Шеншин своего героя рисует в скаутском галстуке, который очень напоминает о пионерском детстве его литературного двойника.

Впрочем, все остальные картины жизни Вольки не напоминают советскую Россию ничем, а скорее рисуют мирное дореволюционное время как в деталях быта, так и представленных панорамах. В сцене с ковром-самолетом Волька и Хоттабыч летят над Москвой, которую Шеншин и далее видит городом с обилием храмов. Изображение Хоттабыча лишь удаленно напоминает изображения первого иллюстратора книги Константина Ротова (скорее из-за шляпы канотье и сафьяновых туфель с загнутыми носками, которые Лагин детально описывает в тексте). У Хоттабыча Шеншина не просто более длинная борода, и более густые брови, но он вообще пройдоха еще тот.

Но Шеншин, вероятнее всего, не видел иллюстраций Ротова, поскольку книга с его рисунками вышла в издательстве «Детиздат» в 1940 и вряд ли так быстро могла попасть к Шеншину. Первая часть комикса пересказана детально и заканчивается полетом Хоттабыча и Вольки на ковре-самолете. Изменение касается лишь последних кадров, где история приключений Жени Богорада в Индии выбрасывается, а он магией Хоттабыча переносится во двор своего родного дома. То есть, по всей видимости, дальнейшие приключения Жени Богорада, Вольки и Хоттабыча, возвращающихся домой, как раз те приключения, где показываются все достижения Советской России, должны были быть заменены авторской версией приключений. Но продолжения комикса Шеншин не нарисовал — помешала начавшаяся война. Историю о Вольке и волшебнике Хоттабыче Шеншин рассказал не до конца, но и начало получилось сильным, увлекательным и невероятно талантливым.

Таким образом, в Югославии в период «золотого десятилетия комикса» — с 34 по 44 гг. — создано и несколько великолепных комиксов, в основе сюжетов которых использовались советские темы. Эти комиксы — наглядный пример того, как интегрируются сюжеты одной сферы искусств в другую, как включаются в вымышленный мир реальные исторические события, формируется пространство так называемых «фикциональных»/«вымышленных» миров и с опорой на чужой фикциональный мир создается новый, авторский. Кроме того комиксы являются еще и примером, как эмиграция воспринимала советскую культуру и адаптировала ее.

Литература

1. Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920-1940. — М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь. — 2005.

О. Сюч, г. Будапешт

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГИГИЕНЫ КУЛЬТУРЫ

В первую очередь я должна пояснить историю возникновения и предмет, фигурирующий в названии этого краткого доклада — термин Гигиена культуры. Возникшее четыре года тому назад новое направление в общественных науках, своей целью имеет исследование тех кризисных ситуаций нашей современности, которые своим истоком имеют, **возможно, судьбоносные процессы**, которые при определенных обстоятельствах способны изменить прежний путь человеческой цивилизации

и направить его в качественно новом — весьма угрожающем — направлении. В нашей современности происходят процессы, которые нуждаются в системном аксиологическом анализе общественных наук, состояние которых по ряду причин не в состоянии это сделать.

При попытках анализа происходящего нам, в первую очередь, необходимо руководствоваться выработанными тысячелетиями аксиологическими и эпистемологическими навыками и методами рефлексирования на окружающую нас общественную реальность. Одним словом, мы должны вернуться к основополагающим философским принципам познания, и в большей степени к религиозным принципам аксиологического отношения к миру, и к оценке его качественно новых явлений и процессов. В обозначенном философском контексте проблематика отношения прошлого и будущего, феномен преемственности, изучение культурных, этических рычагов регулирования общества и индивида становятся ключевыми вопросами.

За последние несколько лет кризисная ситуация в мире обострилась и вследствие отсутствия дискуссии и попыток осознания происходящего, процессы могут стать невозвратимыми. Мы — то поколение, которое построило свое мышление еще на устойчивом фундаменте классического знания и мировосприятия, на четко понимаемых этических и эпистемологических критериях.

В сложившейся ситуации, к сожалению, мы вынуждены возвращаться к самым элементарным понятиям. Легитимация понятий истины, объективного характера *факта* как такового, необходимости, закономерности и культурной обусловленности классических ценностных установок, которые мы получили на заре возникновения человечества от религии — становится жизненно важным фактором выживания в новых изменившихся условиях. Базовые установки бытия и мышления, которые веками разрабатывались великими мыслителями, в то же время и подтверждались реальной практикой. Мы вынуждены снова проявить усилия для того, чтобы легитимировать основные онтологические и гносеологические понятия философского и научного мышления, так как у нас нет других средств для адекватного восприятия мира кроме тех, которые своей адекватностью с воспроизведенной ими практикой сами себя легитимировали в процессе существования общества.

Без этого мы можем не только не продвинуться вперед, но даже утратить основы накопленного знания об окружающей нас природной и социальной действительности, и знаний о природе человека, то есть потеряем способность знать и понимать самого себя. Потеря исторической и культурной памяти — это амнезия. Если мы утратим *память*, мы утратим те знания, и те жизненные практики выживания, которые нарабатывались с колоссальными жертвами и усилиями человечества, и которые, несмотря на ошибки, а иногда и на сбой — все же в длинной череде веков обеспечили развитие цивилизации.

Проблема чрезвычайно остра, так как мы наблюдаем эскалацию кризисной ситуации и в то же время — как показывает нам собственная практика — утрачиваем эффективные методы возможного ее решения. Кризисы и острые проблемные ситуации наблюдаются во всех сферах существования, начиная от природного и социального порядка на макроуровне — это повреждения экологической среды и войны, кончая на микроуровне личности: распространением всевозможных психических невзгод. Но может ли быть беспроблемным состояние существования общества или самого же человека? Конечно же нет. Сам характер бытия во всех своих формах парадоксален. Человечество ведет постоянную борьбу за разрешение насущных задач, поставленных потребностью биологического и социального выживания при условиях постоянно меняющейся природной и социальной среды. Структура и характер проблем на уровнях культур и цивилизаций, могут быть по своей сути разные, поэтому одна из самых важных задач культурологии и философии состоит в том, чтобы определить критерии оценки проблемных ситуаций.

Когда вопрос стоит на макроуровне, то есть касается цивилизационных проблем или всей культуры, разрешимость или неразрешимость проблемной ситуации может ставить вопрос о существовании и выживании культуры или цивилизации или об ее исчезновении. Вопрос чрезвычайно важен, так как в случае распознавания нарастающего кризиса на ранней его стадии, еще может иметься надежда его предотвращения. В связи с этим познавательным аспектом встает проблема качества и характера знания, инструментарием и навыками которого человечество может обладать, но может и утратить их. При этом мы не должны забывать, что парадоксальность существования не обозначает наличие исключительно неразрешимых проблем. Даже может и наоборот, парадоксальность содержит в себе самой онтологически заложенные альтернативы решения.

Некоторые стадии существования культур и цивилизаций способствуют аккумуляции всего накопленного человечеством знания, и некоторые как раз наоборот, стремительно утрачивают познаватель-

ный потенциал и — что является прямым последствием этого — способность с эффективному проблеморазрешающему активному действию. Может быть, этот критерий может послужить одним из показателей оценочных суждений о состоянии культуры. В наше время, время цивилизации накопления и обработки колоссального количества качественной и праздной, бесполезной и вредной (информационный шум) информации — характер обработки, селекции и осмысления необузданного потока информации, является ключевым вопросом сохранения или же утраты знания. Методология отбора информации по всей вероятности должна основываться на памятно-отборочном процессе, ведь селективный отбор важного и второстепенного должен основываться не только на теоретических соображениях, но и на закреплённой памятью успехе или же неудаче в самом практическом опыте. Основанный на закреплённой памяти успешный отбор сможет преодолеть видимость хаоса. Само понятие хаоса, в принципе, может пониматься, по крайней мере, в двух — онтологическом и гносеологическом — смыслах.

Онтологичности хаоса не может существовать по определению, так как по всем основным предпосылкам «философского» мышления всеобщая детерминированность любых явлений или процессов — будь то они закономерны или же случайны — является аксиомой. Из этого следует, что хаос может пониматься лишь гносеологически, как определенное состояние когнитивных возможностей человека, при наличии которых он не способен распознать взаимосвязь элементов реальности, или утратил прежние — накопленные человечеством — знания, то есть, потерял память. Поэтому, когда мы говорим о хаосе, мы должны всегда подразумевать *мнимую хаотичность*. С учетом вышеназванных замечаний относиться к оценке т.н. хаотичных процессов нашего времени стоит именно так, и с полным основанием называть их мнимыми хаотичными процессами, показателем которых является с одной стороны непредсказуемость, с другой, на первый взгляд, отсутствие очевидной структуры и причинно-следственных связей наблюдаемых процессов и явлений.

Эти две характеристики имеют гносеологические аспекты, которые понятие хаотичности расценивают как принципиальную непознаваемость данных процессов и явлений. Однако суть такой оценки состоит в признании факта утраты тех культурных основ общества, в том числе и религии, которые ранее давали гарантию относительной устойчивости и что очень важно, предоставляли на основе памяти механизмы саморегуляции и самосовершенствования сообществ — хоть и не редко в формах качественных исторических изменений. Функцией коллективной памяти — носителем которой в первую очередь является религия — являлось накопление когнитивных знаний и этических навыков прошлого, пускай даже в формах общественных катаклизмов.

С точки зрения нашего вопроса, нам надо подчеркнуть принципиальную ответственность именно нашей эпохи в различении состоявшегося *прошлого* и в *принципе непредсказуемого будущего*. Проблемная ситуация состоит в том, что в наше время создаются условия, при развитии которых, ставится под угрозу не только стабильность и преемственность историко-культурного процесса, но и сам процесс как таковой, самой характерной особенностью которого, в течение многих тысячелетий являлось наличие в нем мыслящего, дерзающего, имеющего конкретные аксиологические установки, неповторимого и предположительно свободно мыслящего *человека*. Абсурдно звучит, и поэтому требует дополнительного анализа и изложения, возникшего, буквально за последние годы, желания редукции сложнейших функций сознания к нейрофизиологическим процессам и, более того, объяснять их, в свою очередь, функционированием еще более простых материальных единиц.

Учитывая многовековую традицию философского мышления, разделяющую ее понятия материи и сознания на субстанциональном уровне, и этим задавая максимум потенциальной возможности существования автономной личности, обладающей — естественно не за рамками принципов детерминированности — креативностью и *свободой*, мы вынуждены выразить озабоченность по поводу имеющего философско принципиальное значения сведения интеллектуальных, эмоциональных, художественно и научно креативных атрибутов *человеческого* существования к процессам, объясняемым действием сугубо материалистически понимаемых конкретных физических единиц. Точного, естественно научного объяснения механизма возникновения и функционирования человеческого сознания мы пока описать не можем, но, наблюдая за логикой развития наук, мы никак не склонны принять редукционистские объяснения сложных систем. Опасность такой вульгаризации — вместе с остальными характеристиками «нарратив» постмодерна — состоит в возможности подмены, и в конечном счете элиминации онтологических и гносеологических, культуuroобразующих основных принципов существования человечества.

Одним из важнейших вышесказанных принципов является разработанный навык абстрактного мышления, вплоть до способности разъединения абсолютно очевидного объективного от личностно-

субъективного правдоподобного. Смывание этих двух принципиально разных отношений, которые четко прослеживаются в парадигме постмодерна — **налицо, может привести к непредсказуемым последствиям** относительно когнитивных способностей человека. Мы, конечно, можем всегда спросить самого себя, разве многочисленные варианты мифологического мировосприятия не были ли наглядными примерами постоянного существования в коллективном сознании человечества моментов подмены реального мира субъективно правдоподобным? На этот, справедливо возникающий вопрос, мы все же можем ответить. Мифология, как и религия — как специфическая форма сохранения памяти, как архетипичного инструмента выживания — своей функцией имела не подмену объективного миропорядка мнимым, а как раз наоборот, в случае возникновения принципиально важных для человека вопросов существования — попытку моделирования альтернатив, касающихся сути вопросов.

Перед нами в наше время встает непростая задача возврата к фундаментальным вопросам философского характера, которая, на первый взгляд, кажется странной, но вдумываясь в возможные последствия начавшихся и набирающих ускоренные обороты всей совокупности явлений и тенденций постмодерна, абсолютизации экономической парадигмы, глобализации и информационного взрыва, является необходимой. Нам надо осмыслить, что такое *культура*, как это понятие связано с историей, то есть с временным аспектом — прошлого-настоящего-будущего — памятью, и основными когнитивными способностями человека умения познать реальность, и основываясь на этом *знании существующего*, осуществлять процесс творчества, веками сложившиеся уклады которого — впервые в истории — на наших глазах стремительно утрачиваются.

Культурно-религиозные основы общества, которые тысячелетиями шаг за шагом изобретали и воспроизводили множество конкретных форм общественного бытия человечества, как таковые, онтологически легитимируют себя, так как по определению относятся к доказуемому и доказанному прошлому. Прошлое — конечно, если мы не отрицаем существования настоящего — самим своим существованием доказывает свою реальность и благодаря этому может послужить неисчерпаемым хранилищем *опыта* необходимого для выживания человека в виде homo sapiens-а. Таким образом, с полной уверенностью можно сказать, что прошлое — единственная наша та реальность, на которую, как критерий ценности как таковой, можем опираться в нацеленной на будущее созидательной деятельности. Другими словами, культура, закрепленная в памяти в широком смысле слова, является нашей единственной реальностью.

Литература

1. Дриккер, А. С.: Физические аспекты метафизической трансформации. Санкт-Петербург. 2012 г.
2. Культурологические записки — О границах искусства. Государственный институт искусствознания РАН, Москва. 2010 г.
3. Magyar-Beck, István: Mitől szenved az euroatlanti civilizáció? (От чего страдает евроатлантическая цивилизация?) Valóság, 2007. 6.
4. Magyar-Beck, István: A világ(osság) mint a kis népek köztársasága. (Brightness coming from the republic of small nations). Valóság, 2011. 8.
5. Маньковская, Н.Б.: Париж со змеями, Москва. 1994.
6. Сюч, Ольга: Gazdaság és Művészet (elméleti és pragmatikus összefüggések). (Экономика и искусство. Теоретические и прагматические аспекты.) In: Tudomány határok nélkül. Tudományos Mozaik, 5. kötet, Második rész. Tomori Pál Főiskola, 2008.